

О НАУЧНЫХ ИЗДАНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ И КОММЕНТАРИЯ

Проблемы текстологии и комментирования чаще всего признаются существующими только в тех случаях, когда речь идет о произведениях уже далекого прошлого, когда надо пояснять архаизмы, копаться в распадающихся газетах и журналах, трепетно касаться рукописей. А бывшее новинкой только что, на нашей памяти, вроде бы ни в каких специальных подходах не нуждается.

Между тем стремительно утекающее время наглухо закрывает ходы в прошлое, и пока они еще видны или хотя бы приблизительно помнятся, резонно обсудить те проблемы, которые остались вне поля зрения публикаторов-первопроходцев.

Нельзя сказать, чтобы подобных опытов вообще не было. В сфере современной поэзии следует назвать два комментария к поэмам Тимура Кибирова, один — его собственный (в соавторстве), другой — созданный коллективом филологов и просто энтузиастов творчества поэта,¹ ряд изданий, посвященных авторской песне.² В остальном достойны упоминания работы о различных прозаических произведениях, от «Москвы–Петушков» Вен. Ерофеева до «Денискиных рассказов» Д. Драгунского.

Почему у нас пойдет речь о стихах Андрея Вознесенского — для того есть разные причины, в том числе и общезначимая: в 2018 году исполнилось 60 лет с момента выхода его первой публикации. Самое время припомнить то, что можно и нужно сохранить в памяти.

На данный момент единственным научным изданием стихотворений и поэм Вознесенского является двухтомник, подготовленный Г. И. Трубниковым для серии «Новая библиотека поэта», куда вошли стихи, написанные до 1985 года.³

Серия почтенная, хотя и не безупречная. В двух томах — 992 страницы, 773 номера стихотворений и поэм, есть раздел других редакций и вариантов,

¹ Кибиров Т. Ю., Фальковский И. Л. Утраченные аллюзии: Опыт авторизованного комментария к поэме «Лесная школа» // *Philologica*. 1997. Т. 4. № 8/10; Лекманов О. А. [и Team LJ]. Опыт коллективного комментария к «Вступлению» поэмы Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы» // *Toronto Slavic Quarterly*. 2005. № 13. См.: http://www.livejournal.com/community/ru_lit/206083.html; дата обращения: 30.04.2019.

² В первую очередь — одиннадцатитомное издание стихотворных сочинений В. Высоцкого (без нумерации томов) под ред. П. Е. Фокина (СПб.: Амфора, 2012), а также: Крылов А. Е., Кулагин А. В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни: Комментарий к песням поэта. М., 2010. Ср. также два фрагмента комментария к песням А. Галича: Крылов А. Е. 1) Галич-«соавтор». М., 2001; 2) Не квасом земля полита...: Примечания к «человеческой трагедии» Александра Галича. Углич, 2003. Первый посвящен эпиграфам, второй — упоминаемым в песнях алкогольным напиткам.

³ Вознесенский А. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. Г. И. Трубникова. СПб.: Изд. Пушкинского Дома; Вита Нова, 2015. Т. 1–2. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием в скобках номера тома и страницы.

примечания и все прочее, что положено в такого рода изданиях. Авторитетный исследователь, любящий и понимающий творчество Вознесенского, писал так: «У меня на стеллажах десятки прижизненных изданий поэта, в том числе два собрания его сочинений. Тем не менее пользоваться отныне я буду по преимуществу этим двухтомником — и наиболее выверенным текстологически, и прокомментированным с той тщательностью, какую дает не только добросовестность, но еще и страстная любовь к поэзии».⁴

Мы не ставим своей задачей оценивать работу комментатора, которая была очень непростой.⁵ Нас интересуют принципы подхода будущих текстологов и комментаторов к актуальному поэтическому материалу, являющемуся, кажется, очевидным и не нуждающимся в истолковании. Поэзия Андрея Вознесенского дает основания усомниться в таком отношении к повседневности.

Несколько слов *pro domo sua*. Автор этих строк примерно пять лет (с пятнадцати до двадцати) был буквально заморожен стихами Вознесенского, да и до сих пор помнит значительную их часть наизусть. Все эти годы мы были ближайшими друзьями с Ю. М., Юрой Прозоровым (1951–2018), а на первом курсе писали работу на одну и ту же тему — «Рифма Андрея Вознесенского».

У обоих ушло время восхищения этим поэтом, но интерес к текстологии и комментированию остался.⁶ Здесь он будет проявлен на примере творчества автора, в последние годы нам равно чуждого.

Предметом основного внимания в статье станут первые четыре сборника 1960–1964 годов.⁷ Из остальных будут заимствованы лишь отдельные примеры.

Текстология

Текстологическая преамбула к двухтомнику начинается словами: «Поэтическое наследие Вознесенского огромно: даже итоговое восьмитомное собрание (СС8),⁸ подготовленное при участии поэта, содержит далеко не все известные тексты. В то же время, пока нет возможности детально работать с архивом поэта, что делает любые текстологические выводы ненадежными» (1, 473). Но при этом собрание, вышедшее в 2000–2009 годах, понимается действительно как итоговое: «Произведения, вошедшие в СС8, публикуются и датируются по этому изданию (за исключением специально оговоренных случаев <...>)» (1, 473). Далее следует изложение причин, по которым СС8 может оказываться источником ненадежным. «Тем не менее, именно это издание взято нами за основу, как отражающее последнюю авторскую волю» (1, 474).

Не следует думать, что казус Вознесенского уникален. История текстологии знает немало подобных примеров и их решений. Последний требовавший решения сложный случай — поэтическое наследие Андрея Белого, представленное в той же серии двухтомником под редакцией А. В. Лаврова

⁴ Чупринин С. Попутное чтение // Знамя. 2016. № 4. С. 209. Значительно менее снисходительная рецензия: Козлов В., Ратке И. Реванш шестидесятников // PROSŌDIA. 2015. № 9.

⁵ О внешних обстоятельствах, препятствовавших ей, см. материалы, размещенные на сайте Г. И. Трубникова: <http://voznosolog.ru>; дата обращения: 30.04.2019.

⁶ См., например, комментарий к «Графу Нулину»: Прозоров Ю. М. Классика: Исследования и очерки по истории русской литературы и филологической науки. СПб., 2013. С. 110–163.

⁷ Вознесенский А. 1) Мозаика: Стихи и поэмы. Владимир, 1960; 2) Парабола: Стихи. М., 1960; 3) 40 лирических отступлений из поэмы «Треугольная груша». М., 1962; 4) Антимир (Избранная лирика). [М.], 1964.

⁸ Следуя за составителями, мы также используем сокращение СС8, ссылаясь на издание: Вознесенский А. Собр. соч.: В 8 т. М., 2000–2009.

и Дж. Малмстада. Как известно, Белый несколько раз пробовал создать свой канон, но полностью исполнил задуманное лишь в машинописном двухтомнике «Зовы времен». Однако и первые текстологи, издавшие его «Стихотворения и поэмы» в 1966 году, и Лавров с Малмстадом отказались следовать его прямым указаниям, а печатали книги стихов по первым изданиям. Представляется, что и в случае Вознесенского стоило идти по схожему пути — с вариациями, естественно. А пока что мы сталкиваемся с необъяснимыми (или, по крайней мере, необъясненными) решениями.

Начнем с мелочи.

Для графики стиха в XX веке очень существенно, как поэт начинает строчки — всегда с прописной буквы или с той, которая положена по орфографическим правилам, т. е. то с прописной, то со строчной. В двух первых своих книгах, вышедших практически одновременно, Вознесенский соблюдает норму классической русской поэзии — всегда прописная. В «Треугольной груше» и «Антимирах» правила смешиваются, иногда даже внутри стихотворения. Так, скажем, в «Секвойе Ленина» первая половина выполняет первую норму, вторая — вторую. В СС8 этого стихотворения просто нет, и двухтомник копирует «Треугольную грушу» и «Антимиры». А в «Лобной балладе» в сборниках от «Треугольной груши» до «Ахиллесова сердца» строки, где в центре находится Петр (начало до строки: «Мальчик мой государь великий...» и последняя строфа) — печатаются с прописных букв, а в реплике «Анхен» — не только буквы строчные, но и знаков препинания практически нет. В СС8 реплика казенной оставлена, как в оригинале, а вот «его» потеряла прописные, обозначающие начала строк. Не нам обсуждать, почему в «итоговом издании» произошла такая перемена, но мы обязаны сказать, что это разрушило один из элементов оригинального замысла поэта, который к визуальному представлению своих произведений относился трепетно.

Замысел разрушается и при сохранении первой нормы в стихах, не вошедших в СС8 и потому печатающихся по «Мозаике» или «Параболе». Вместо продуманного единообразия получается совершенный произвол — и произвол не поэта, а редактора.

Несколько заметнее композиционная особенность. В двухтомнике две первые книги, «Мозаика» и «Парабола», печатаются отдельно, хотя редактор и приводит слова самого поэта: «Собственно говоря, это была одна книга, только в Москве она вышла изуродованная цензурой, а во Владимире — почти нетронутая» (1, 482). В СС8 они соединены в раздел «Мозаика — Парабола», что дало возможность не включать в собрание начала 2000-х такие стихи, как «Ленин на трибуне 18-го года», «Год 1959», «Репортаж с открытия ГЭС», «Загорская лавра» и тому подобные, а также кое-что добавить. В «Новой библиотеке поэта» они сохранены, и здесь редактор, пожалуй, прав, хотя и не последователен.

Оставим в стороне сравнительно простые случаи, вызванные, вероятно, невнимательностью. Так, в стихотворении «По Суздалю, по Суздалю...» не отмечена смена эпитета: в «Мозаике» было — «Я в городе бидонном, / гудящем, молодом», а стало «морозном, молодом» (1, 47). В «Елке» читаем в двухтомнике: «Что хочется, чем колетса / Ей следующий год?» (1, 49), а в «Мозаике» — «Ее следующий год?». Видимо, редактор посчитал это опечаткой (исправленной уже в «Параболе»), но стоило такой случай оговорить, тем более что он давал бы любопытный ритмический вариант. В примечании к «Балладе 41-го года» некорректно сформулировано: «...добавлена последняя строфа» (1, 477). Она изначально была и в «Мозаике», и в «Параболе», а потом была снята.

«Последняя электричка» начинается строками:

Мальчики с финками, девочки с фиксами.
Две контролерши заснувшими сфинксами.
(1, 51)

Но ни в первой публикации,⁹ ни в «Параболе» этих строк нет, они возникли только в «Мозаике» в несколько преображенном виде:

Мальчики с финками, девочки с «фиксами».
Две проводницы дремотными сфинксами...

Ни в «Треугольную грушу», ни в «Антимиры» стихотворение включено не было, а в «Ахиллесовом сердце» появилось с этим двустишием, потеряв только кавычки у слова «фиксами». В двухтомник оно перешло из СС8. В этом же стихотворении не учтен вариант 19-го стиха первой публикации: «Стоишь — глаза пустые».

Сложный случай представляет собой текст лучшей поэмы Вознесенского — «Мастера». Она перепечатывалась в разных его книгах много раз, текст варьировался неоднократно. Варианты в общем достаточно адекватно переданы в различных разделах, но есть по крайней мере три вопроса, из которых один мелкий, а два — серьезных. Мелкий относится к началу. В СС8 первые 2 строчки третьей строфы читаем: «Сам, / Микельанджело...». Во всех изданиях, которые мы проверили, — по-другому: «Вам, / Микельанджело...». Видимо, редактор посчитал первый вариант опечаткой. Но это, повторим, при опоре на Собрание сочинений требует особой внимательности.

Второй случай удобно начать с упоминания, что первая публикация поэмы¹⁰ как источник текста не учтена: в ней не было второго посвящения; храм должен был быть не семиглавым, а восьми- (так было и в первой главке, и в седьмой: «Была в восемь глав она, / Как храм-восьмиглав»); в пятой главке не было голландского купца (строки 9–12), а в реплике «ярыжки-кочерыжки» было еще 4 строки (после «Задумали они»):

...Честному люду
Мечта их — зло.
Гуляют люто
И пьют зело...;¹¹ —

наконец, в эпилоге после строки «Ангарской плотины» (она не вошла в основной текст двухтомника и печатается в числе «других редакций и вариантов») вместо одного слова: «Здорово!..» следует двустишие:

Видимо-невидимо,
Выстроено,
выдуманно!

Это пренебрежение источником непонятно и никак не объяснено. Не объяснен и отказ от очень важного для будущего исследователя творчества Вознесенского раннего варианта «Мастеров», также напечатанного в «Литературной газете» (1958. 30 сент. № 117) под заглавием «Василий Блаженный». Это четвертая главка поэмы, без последней строфы, начинающаяся с третьей, за

⁹ Юность. 1960. № 9. С. 71.

¹⁰ Литературная газета. 1959. 10 янв. № 5. Текст дан не полностью.

¹¹ Закрытые кавычки делают непонятным, кому принадлежат две следующие реплики — тому же персонажу или кому-то иному.

нею идет вторая, а первая завершает фрагмент. Помимо важных смысловых обертонов, которые непременно надо будет учитывать, эта публикация окончательно разрушает уверенность в дате «1959», стоящей под текстом. И до того было практически невероятным, чтобы напечатанная 10 января 1959 года поэма была в этом году и написана. Теперь мы окончательно в этом убеждаемся.

Есть в «Мастерах» и еще одна текстологическая загадка. Уже упомянутый нами голландский купец из пятой главки обладает историей, поведенной самим поэтом. Приведем ее в сокращении.

«Во время съемок в Политехническом мы читали всю неделю примерно одинаковый состав стихотворений. „Андрюша, разряди обстановку“, — просила одна слушательница.

Я уверенно вышел и начал читать из „Мастеров“:

Купец галантный —
куль голландский.

Так вот, я четко произнес „х... голландский“. Зал онемел. Любой профессионал продолжал бы как ни в чем не бывало. Но я растерялся от эффекта. И поправился: „Извините, то есть куль...“ Рев, стон восхищенного зала не давал мне читать минут пять. Потом я продолжал чтение и триумфально сел на место. Лики моих коллег были невозмутимы, как будто ничего не произошло». ¹²

Даже если мы воспримем рассказанную историю как выдуманную, это не избавит нас от необходимости обдумать такой вариант строки, тем более что в русском языке получившееся сознательно или бессознательно у поэта выражение укоренено с давних пор. См. у Р. Якобсона: «...удесятеряет действенность термина немислимый эпитет — *голландский* или *моржовый*, притянутый русским ругателем к имени предмета, не имеющего ни к моржам, ни к Голландии никакого отношения». ¹³

В чем-то схож с данным и случай с последней (в двух первых публикациях) и предпоследней (в остальных) строкой поэмы. И в «Литературной газете», и в «Мозаике» она читалась:

И завтра ночью тряскою
В 0.45
Я еду в Братскую,
Чтоб их осуществлять...

В «Параболе» текст остался тем же, слегка было исправлено его орфографическое оформление. В «Треугольную грушу» поэма не вошла, в «Антимирах» же были несколько изменены две строки: «Я еду Братскую / осуществлять». Похоже, поэт поначалу полагал, что существует некий населенный пункт «Братская» (скажем, станция), куда надо ехать для строительства ГЭС, но довольно скоро понял, что есть город Братск и объект его интереса — Братская ГЭС.

Но СС8 предложили нам еще одну проблему, которую не так просто решить. Там первая из занимающих нас строк читается: «И завтра ночью блядскою». Составитель двухтомника поверил этому тексту и сделал его основным. Кажется, это решение неверно.

Во-первых, такой эпитет носит явно pejоративный характер, что никак не вяжется с предшествующими строками, оптимистичными и автохарактере-

¹² Вознесенский А. Собр. соч. Т. 5: Пять с плюсом. С. 270.

¹³ Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 389.

ризующими. Четыре строфы — развитие темы: «...я, / Вознесенский, / воздвигну их!» (1, 76). Ее обрыв обидным словом, лежащим, по мнению власть имущих, за пределами литературного языка, ничем, как кажется, не оправдывается. Мало того, настроенность поэта на поиск богатой рифмы, уходящей вглубь строки, должна была ему подсказать, что ранний вариант дает четыре полных совпадения согласных звуков (т, р, с, к, не считая йота), тогда как второй — лишь два (б, к, плюс оттенок «с» в звуке «ц»). На месте Г. И. Трубникова мы бы оставили вариант «Антимиров» и «Ахиллесова сердца».

Обнаружив отказ от обследования первой публикации, мы решили проверить, как обстоит дело в других случаях. Увы, и здесь результаты неудовлетворительны. Скажем, «В. Б.» (1, 59) в «Юности», где было впервые напечатано, именовалось «Виктору Бокову»;¹⁴ там же опубликованное «Читая на стройке...» этого заглавия лишено, его нет и в комментарии («Меня пугают формализмом...»; 1, 63). «По Суздалью, по Суздалью...» (1, 47) в «Литературной газете» так и называлось — «Суздаль».¹⁵ Мало того, в газете не было последней строфы. В «Тбилисских базарах» (1, 86) стих 7 читался: «Девчонки, как бубны», а не «торговки»,¹⁶ а стих 12: «Так пей задарма» (потом это «так» утратилось). В там же напечатанном «В горах» (1, 87–88) ни в основном тексте, ни в «Других редакциях и вариантах», ни в комментариях двухтомника нет второго четверостишия:

Здесь скажется, как скачется,
По лезвию вершины.
Стихи того же качества,
Что свист автомашины!¹⁷

Стихотворение «Земля» (1, 95–96) у поэта не задалось, он единственный раз включил его — в «Параболу», но перед этим напечатал в «Литературной газете».¹⁸ Публикация отмечена, но не сверена с окончательным текстом, а это вовсе не бесполезно для понимания того, от чего Вознесенский отделялся. Положим, разница в первом стихе: «любили» («Литературная газета») или «любим» (книга) — скорее всего, относится к разряду опечаток. Но вот почему следующие 6 строк были радикально переписаны — уже важно отметить, как и дальнейшие многочисленные расхождения тоже. Мы не будем этого делать, чтобы не привлекать внимание к откровенно слабым стихам. Но было бы неверно не сказать, что в том же номере газеты были опубликованы еще два стихотворения Вознесенского, из которых одно в сильно искаженном виде (без заглавия «Россия» и без двух четверостиший)¹⁹ попало в раздел «Стихотворения, не включенные в книги» (2, 317), а второе просто пропало. Причем речь не о какой-то проходной мелочи: слова «Будь лирическим наступлением! / Преступление отступать!» кто только ни цитировал в шестидесятые, вплоть до самого Вознесенского, поставившего их эпиграфом к журнальной публикации «Треугольной груши».

Переходя к «Параболе», отметим, что в «Торгуют арбузами» не приведен вариант второй строки (в книжном издании — «Все дышит волей без границ», а в двухтомнике — «Пахнуло волей без границ») (1, 78), в «Госте у костра»

¹⁴ Юность. 1960. № 9. С. 71.

¹⁵ Литературная газета. 1960. 16 апр. № 46.

¹⁶ Там же. 1958. 30 сент. № 117 (под заглавием «Южные базары»). То же — в «Параболе», где было названо «Грузинские базары».

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. 1958. 1 фев. № 14.

¹⁹ Отметим, что, напечатанное 1 февраля 1958 года, это стихотворение датировано в двухтомнике «1959».

стих 8 (по двухтомнику; в «Параболе» он — стих 9) читается не «Хлопочет над ухой», а «Хохочет над ухой», четвертая строфа начинается с «И», а не с «А» (1, 81–82), а в «Оде сплетникам» стих 7 открывается междометием «У», тогда как в «Параболе» — с «О», стих 26 приведен как «Шептал, что ты опять дуришь», в то время как в «Параболе» — «...как ты опять дуришь» (1, 84). В стихотворении «Тайгой» (1, 91) отмечено первоначальное чтение стиха 22: «Отражаясь, нагая», но не отмечено изменение стиха 24, где сперва было: «Лепестки нагибая», а не «Только кверху ногами». В «Балладе работы» стих 28 начинался с «Он», а не с «Но», а в стихе 30 менялось число: в «Параболах» — «...в страшной пучине», в двухтомнике — «в страшных пучинах» (1, 92).

«40 лирических отступлений из поэмы „Треугольная груша“» (1962) — книга сложная сразу по многим причинам. И это, конечно, ведет к ряду спорных мест в текстологии, возникающих уже с первого стиха. В СС8 и в двухтомнике книга начинается строкой: «Автопортрет мой, реторта неона, апостол» и продолжается еще двумя: «небесных ворот — / аэропорт!» (1, 97). Но в первом издании книги, которое было отпечатано в необычном формате и потому могло вмещать очень длинные строки, видим иное: «Автопортрет мой, реторта неона, апостол небесных ворот», а дальше, новой строкой, рифмующееся слово: «Аэропорт!». Кажется, именно такое расположение и должно быть признано единственно верным, что подтверждают «Антимиры» 1964 года и «Ахиллесово сердце».²⁰ В «Вынужденном отступлении» изменение стиха 41 отмечено, а вот стиха 40 — нет (было «А там, в заморских казематах», стало «Впотьмах в подземных казематах»; 1, 117). В «Мотогонках по вертикальной стене» фамилия тренирующего замдиректора была Сингичан, а стала Сингичанц (1, 118–119).

«Пожар в Архитектурном институте» в последней строфе упоминает: «Милиции полно» (1, 126), тогда как в «40 отступлениях...» было «Вздыхающих полно». В «Грузинских березах» последний стих третьей строфы читается в двухтомнике: «До ночи / лежу» (1, 132), а в книге 1962 года — «И до ночи лежу», что отчетливо меняет ритм. Аналогично происходит в части «Все» стихотворения «Рок-н-ролл»: было «миссисипский мессия», стало — «миссисипийский» (1, 134). А в «Секвойе Ленина» вдруг появились два стиха, после стиха 21 обнаруживаем невозможное для советской цензуры (поскольку тут имеется в виду Ленин): «„Секвойя?! Вурдалаку лысому?“ / Пакует саквояж полиция» (1, 135).

В первом же стихотворении следующей книги «Антимиры» попадает смешная опечатка: вместо вполне реальных для рыбака мотоботов в тексте возникают «мотороботы», небывалые машины («Монолог рыбака»; 1, 137). Тут все очевидно, а вот в «Нидской биостанции» последняя строка четвертой строфы сомнительна. В «Антимирах» напечатано: «...чуткою и жемчужной, / дышащею кольчужкой», а в двухтомнике — «кольчужной» (1, 151). В стихотворении «Пел Твардовский в ночной Флоренции...» в «Антимирах» строка 29 читается: «Терзает война, как нож», в двухтомнике — «Терзает война и ложь» (1, 166). В «Охоте на зайца» «завгар, оппонент милиции» легко превратился в «лейтенанта милиции» (1, 174). И в том же стихотворении переходы от стиха к прозе нуждаются не только в выделении курсивом (как раз этого в первых публикациях не было), но и в продуманном размещении на листе, чего в двухтомнике нет. То же самое относится и к последним строкам «Потерянной баллады».

²⁰ Напомним мнение самого поэта: «...когда цитируете стихи, не выпрямляйте их строк. Строки имеют свое дыхание, интонацию. Это все равно, что проволочную структуру вытянуть в одну длинную проволоку. Или катком разутюжить человека» (Вознесенский А. Ответ критику Адольфу Урбану // Вознесенский А. Собр. соч. Т. 5. С. 403).

Вместе с тем первые публикации стихотворений из этого сборника не дают такого богатого улова, как в «Мозаике» и «Параболе». Да, есть упущения (скажем, в «Поэт в Париже», он же «Маяковский в Париже», или в «Итальянский гараж», где потерялись 2 последние строки, относительные мелочи во «Флорентийских факелах» и т. д.), но они не подрывают основ.

Но эта сравнительно спокойная ситуация с текстологией «Антимиров» буквально взрывается тем, что напечатано под названием «Лонжюмо». Как известно, эта поэма в свое время наделала много шума по ряду причин. Прежде всего, она исполнила функцию оберега для Вознесенского и отчасти для его друзей и соратников-шестидесятников в противостоянии с партийной верхушкой. Сейчас в примечаниях читаем о первых ее публикациях: «Зн^амя». 1963. № 11. С. 45–69; Правда. 1963, 13 октября. № 286. С. 6» (1, 496).²¹ По справедливости же на первом месте должна стоять главная газета Советского Союза «Правда», поместившая поэму (не полностью) за месяц до журнала. Это было сигналом благоволения властей, очищения от прежних грехов и отчасти индульгенцией.

Поэтому можно себе представить, как тщательно выверялось все, относящееся к сакральной фигуре Ленина (любое произведение искусства должно было получить разрешение от ИМЭЛ) и к сомнительной фигуре еще недавно критиковавшегося лично тов. Хрущевым Н. С. поэта Андрея Вознесенского. В ней не могло быть и тени неблагонадежного. А тут мы читаем:

Мы — утопленники Утопии.
Изучая ленинский текст,
Выражение «двоежопие»
Мной прочитывается как тест.
<...>
Удивительная новинка —
Человек с четырьмя половинками.
Озадачены знать и зять —
НЕПОНЯТНО, КУДА ЛИЗАТЬ.

(1, 186)

Для не знавших или забывших: зять здесь реальный человек, главный редактор газеты «Известия» А. И. Аджубей, муж Р. Н. Хрущевой.

Или еще есть дивные строки после идеологически выдержанных: «Скажите — в суе мы суть не проглядели?..»:

Ворует наш народ. Не все читаем Джойса.
Страшнее, что растет кривая двоеженства!

(1, 187)

Понятно, что это ирония. Но ирония, абсолютно невозможная в «Правде» 1963 года.

И еще скромно помеченные «Редакция 1980 г.» строки о покушении Ф. Каплан:

И за то, что он был поэт,
Бил в него, как позднее в Леннона
Неопознанный пистолет!

(1, 187)

²¹ Отметим, что на названных страницах журнала была напечатана большая подборка стихов, куда вошли, помимо «Лонжюмо», еще десять стихотворений.

Вознесенский обладал полным правом переделывать свою поэму, как он хотел. Но текстолог не имел права выдавать фальсификат за подлинник.

Можно было бы потолковать и о том, что Вознесенский вычеркнул, справедливо полагая, что в нашем времени такие фрагменты будут выглядеть обвинением в его адрес. Но мы этого делать не будем. Ситуация 1962–1963 годов для поэта была очень опасной. Кажется, все-таки не такой, как он пытался показать в годы перестройки, но все равно у нас не хватит духу бросить в него камень.

Представление текста

В классическом учебнике С. А. Рейсера говорится: «Читатель, естественно, заинтересован прежде всего в получении ряда общих сведений: он хочет знать, где и когда произведение впервые напечатано, какие были основные перепечатки и какой текст (и почему) взят в основу в данном издании. Читатель вправе знать, сохранился ли автограф или авторитетная копия и где они находятся. В этой же части нередко сосредоточиваются сведения об основных различиях данного, избранного текста от других редакций (в некоторых случаях эти сведения выводятся в особый отдел, после текста и перед примечаниями...)».²² При этом должны быть соблюдены классические каноны, выработанные практикой XX века, чтобы не получилось такого, к примеру, комментария (к стихотворению «Друг, не пой мне песню про Сталина...»): «СС8, 1. В списках ходил вариант первой строки „Негр, не пой мне песню про Сталина...“; здесь имелся в виду американский певец, лауреат Международной Сталинской премии „За укрепление мира между народами“ Поль Робсон» (2, 404). Нельзя приводить вариант, не подтвержденный ничем, кроме собственной памяти. Необходимо указывать годы жизни персонажа. Да, в общем, и «песня про Сталина» может быть найдена достаточно легко.

И аналогичных случаев пренебрежения формальной (а на деле содержательной) стороной справок здесь не так уж и мало. Первый комментарий двухтомника состоит ровно из 8 букв: «Печ. по *Моз.*», т. е. «Печ. <атается> по <сборнику> „*Моз<аика>*“» (1, 476). Это комментарий из разряда фиктивных, потому что дотошный читатель непременно полезет в библиографию и периодику, чтобы понять: ни до, ни после «Мозаики» это стихотворение не печаталось и, вероятно, является тем, что в советской практике называлось «паровозом»: для прохождения сборника первым-вторым в нем ставился текст о Ленине, о партии, комсомоле и других столь же важных и нужных вещах.

Еще короче комментарий к стихотворению «Б. А.»: «СС8, 6». То есть впрямую заявлено, что поэт впервые напечатал его только в восьмитомном собрании сочинений. Однако стоит открыть «Мозаику», чтобы найти его на 24-й странице. Точно то же проделано и со стихотворением «Колесо смеха»: по указанию комментария, оно опубликовано в восьмитомнике, тогда как на самом деле — в «Мозаике». Не будем продолжать далее.

Не будем и говорить о том, что в работе практически не использованы рукописные материалы. Не зная ситуации с архивом Вознесенского, трудно понять, как обстоит с ними дело. Но ведь есть, между прочим, архивы журналов и издательств, которые должны хранить приходящие рукописи и все стадии их подготовки к печати. То же самое относится и к датировке многих произведений, часто сделанной поэтом по памяти или наугад. Но иногда составитель

²² Рейсер С. А. Основы текстологии. Л., 1978. С. 147.

осознанно принимает сомнительные решения. Так, все стихи, вошедшие в журнальную публикацию «Тридцать отступлений из поэмы „Треугольная группа“» (Знамя. 1962. № 4) датированы 1962 годом, хотя издательский цикл очень большой подборки стихов должен был составить по крайней мере два месяца, и, стало быть, в феврале 30 стихотворений уже были написаны. Неужели за полтора месяца или даже за месяц?

Предметный комментарий

Как мы уже сказали выше, дебют Вознесенского в печати состоялся 60 лет назад.²³ За это время в стране сменился строй, набирала силу технологическая революция, радикально изменившая быт, окончательно ушли в историю многие проблемы, казавшиеся вечными. И нынешнему читателю Вознесенского, родившемуся в XXI веке, приходится решать вопросы понимания, начиная с самого элементарного, с предметного мира, который не может быть нейтрален.

Сначала — ряд вопросов, в том числе и самому себе. В первом же стихотворении «Ленин на трибуне 18-го года» будет ли понятно, что такое в заклипании нищего: «Дай! Не побрезгуй / Жертвою брестской!»? А во втором явную смысловую нагрузку несут разные географические названия: Бирма, Марокко, Ява, Ганг, Бандунг и др. Знает ли молодой человек, что Бирма теперь называется Мьянмой? И что Бандунг — это город на острове Ява? И что значит: «...ленинский трактор пашет широко / У тропика Рака, в широтах Си-рокко»? А где находится Нерль и, соответственно, церковь Покрова на Нерли? Кто такая «девчонка с мандолиной»? Или Беатриче? Что значит «малаховские ребята» или «столешниковы афиши»? Москвичу-то понятно, а вот ростовчанину? Живое ли еще понятие «фикса»? Все ли чувствуют актуальный подтекст «Параболической баллады» — первый спутник с его «прутиками антенн»? И неужели не нужно было в комментарии если не пересказать, то хотя бы обозначить полемику известного официозного соцреалиста Василия Федорова с Вознесенским, где последний буквально на пальцах объясняет поэту, не умеющему читать стихи, в чем природа образности «Параболической баллады».²⁴ В «Немых в магазине» запрашивается пояснение, что за «ленинский абрис» искала продавщица, поскольку портрет Ленина был сразу виден. «Абрис» здесь относится к водяному знаку на купюре, где был изображен профиль того же Ленина. Пришлось столкнуться и с тем, что в том же самом стихотворении почти всем непонятно, почему «Медяшек медали / влипали в опилки», — вероятно, слишком давно опилки как абсорбент, помогающий убирать с полу лужи грязной воды, не применяются. Упоминание Твардовского в «Колесе смеха» запрашивается на цитирование или хотя бы отсылку к мемуарам Софьи Карагановой или каким-либо еще, где рассказано о непростом отношении старшего поэта к младшему. Что значит: «Ты с теткой живешь. Она учит канцоны»? Какие канцоны? И зачем учит? Ушло ли уже из памяти, как в пятидесятые-шестидесятые напряженно искали «снежного человека», или еще не ушло? Понятно ли использование тогдашней «блатной музыки» в начале поэмы «Бой»? И чуть дальше в той же поэме ясно ли, кто такой «Генеральный Хряк»? Читателям «Мастеров» помнится ли, какую Зою вели на эшафот? И кто такой Мичурин? А какому «богу плодородия» (а не юродивому Василию Блаженному) строили храм? Неужто Приапу? И что

²³ Литературная газета. 1958. 1 фев. № 14.

²⁴ См.: Федоров В. Д. О поэтических вольностях // Москва. 1971. № 9. С. 217–219; Вознесенский А. Письмо в редакцию // Там же. № 12. С. 215.

«Кочетов хвосты» появились не случайно, а прямо возводятся к фамилии В. А. Кочетова, бывшего тогда редактором «Литературной газеты», где поэма печаталась (последний номер газеты, где он означен главным редактором, вышел 10 марта 1959 года)?

Такое путешествие можно совершать и дальше, делая открытия и для себя,²⁵ но не будем затягивать разговор и перейдем к другим типам необходимого комментария.

Актуальный комментарий

Это название не утвердилось в текстологической терминологии, однако для многих поэтов, живших в СССР, оно имеет совершенно реальное наполнение, что-то вроде «поэтической политологии». События недавнего прошлого и остро актуального настоящего превращались в информационный сгусток, используемый как нечто общепонятное. Чтобы быть яснее, напомним хотя бы второе стихотворение «Мозаики», «Год 1959», где «...черная Бирма вбирает отборные / Русские зерна, Ленина зерна» (1, 46). Выше мы уже вспоминали, что Бирма теперь называется Мьянмой, а отношения двух стран выстраивались в 1950-е годы так: «Уже весной 1953 года Советский Союз оказал Бирме важную поддержку в ООН, куда Рангун обратился с жалобой на гоминьдановскую агрессию. А в середине 1950-х годов был налажен масштабный делегационный обмен между нашими странами. В 1955 году в СССР побывал премьер-министр У Ну, Бирму с ответным визитом посетили советские партийные и государственные лидеры Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин. Стороны подчеркивали приверженность двух государств принципам мирного сосуществования и дружественного сотрудничества».²⁶ И дальше поэт называет те страны и регионы, где Советский Союз рассчитывал закрепиться. Ганг — понятное дело, символизирует Индию, дружба с которой после обмена визитами Хрущева и Джавахарлала Неру в 1955 году оценивалась как очень крепкая, вплоть до анекдотически знаменитого «хинди руси бхай бхай». Ява, Суматра, Бандунг — намекают на тесную дружбу СССР и Индонезии, особенно после визита президента Сукарно в 1956 году, а также на Бандунгскую конференцию стран Азии и Африки 18–24 апреля 1955 года. К слову заметим, что в записных книжках Вен. Ерофеева «Дух Бандунга» стоит в одном ряду с «Духом Женева». А вряд ли надо описывать, что такое у него «Дух Женева». Нам даже кажется, что строка «Он дал кругалю через Яву с Суматрой» (1, 52) из «Параболической баллады» вовсе не случайна и апеллирует к тем же политическим реалиям современности.

Но не всегда такой комментарий серьезен. Вознесенский любил и умел ядовито уцепиться из-за какого-нибудь укрытия. Иногда даже трудно быть уверенным в своей правоте. В том же самом стихотворении «тропик Рака» может быть реальным географическим понятием, но вполне может оказаться, что поэт намекает на роман Генри Миллера.²⁷ А звучащий в следующем стихотворении лозунг: «Америку догоним / по мясу с молоком!» (1, 47), скорее

²⁵ Так, например, было полезно утвердить в памяти слабое воспоминание о том, что «Юноша с лютней» Караваджо раньше назывался «Мандолинистка» и, соответственно, «девчонка с мандолиной» и подразумевает ту самую знаменитую картину.

²⁶ Татаринов А. Россия — Мьянма: 60-летие дипотношений // Международная жизнь. 2008. № 1. См.: <http://interaffairs.ru/jauthor/material/1277>; дата обращения: 30.04.2019.

²⁷ Вот очевидная тема для книговедов: переведенные на русский и изданные ограниченным тиражом «для служебного пользования» или рассылавшиеся по особому списку литературные, философские, экономические сочинения, о которых пока можно собрать только случайные сведения.

всего, имел в виду не только известные слова Хрущева, приведенные в комментарии, но и парafразировал ехидную частушку:

Мы Америку догнали
По надою молока,
А по мясу не догнали —
Хуй сломался у быка.

А уж в реплике вышеназванного «куля голландского» нельзя не увидеть замысел автора. Напомним, он говорит: «...Ишь надругательство, / хула и украшательство» (1, 74). Последнее чрезвычайно выразительное слово он заимствовал у ЦК КПСС и Совета Министров СССР: «...в г. Москве в жилых домах по улице Горького (архитектор Жуков), по Можайскому шоссе (архитектор Чечулин), по Ленинградскому шоссе (архитекторы Готлиб и Хилькевич) и в ряде других домов в угоду показному украшательству, применены многочисленные колонны, портики, сложные карнизы и другие дорогостоящие детали, придающие домам архаический вид. В то же время не было уделено должного внимания удобной планировке квартир в этих домах и благоустройству территорий».²⁸

Основные проблемы советской архитектуры и строительства 1954–1955 годов ныне подробно изучены, и слово «украшательство» при изложении звучит постоянно. Не будем этим заниматься специально, скажем только несколько слов о том, что Вознесенский, по всей видимости, проходил серьезное испытание «на разрыв». С одной стороны, он не мог не понимать, что, оставаясь он в профессии, ему бы предстояла очень нелегкая судьба: ни райкомы в рококо, ни проекты вытрезвителей прельщать не могли, но и чисто строительные задачи его не волновали. Искомый синтез он пытался найти в поэзии, особенно в «Мастерах».

Комментатор попробовал использовать политическую ситуацию в стране для дешифровки стихотворения «Футбольное», однако нам его попытка не представилась удачной. Вот суть комментария: «Настойчивое повторение слова „левый“ переносило читателя из спортивной плоскости в плоскость литературной и политической борьбы. „Левацкими“ называли те тенденции в политике и в искусстве послесталинской эпохи, которые были направлены против тоталитаризма. „Леваками“ в литературе и искусстве называли в те годы и молодых авангардистов, модернистов; Вознесенский был именно „левым крайним“» (1, 488). Первое наше возражение относится к хронологии. В 1961 году Б. Окуджава закончил работу над быстро разошедшейся по пленкам «Песенкой о московском метро», построенной как раз на этой нехитрой аллегории: «...те, что идут, всегда должны / держаться левой стороны». Трудно себе представить, чтобы Вознесенский сразу же повторил ее.

Но есть и еще одно возражение, основанное на смысле стихотворения. По Вознесенскому получается, что его левый крайний забивает гол в свои ворота и покидает поле под молчание зрителей. Причина этого — азарт, потеря ориентировки, неумение дать себе отчет в собственных действиях. На фоне

²⁸ Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» // Правда. 1955. 10 нояб. Цит. по: <http://www.sovarch.ru/postanovlenie55>; дата обращения: 30.04.2019. Ср. в статье, посвященной этому этапу развития архитектуры: «Архитектуру, которую сейчас определяют как архитектуру сталинской эпохи, тогда окрестили „украшательством“, с которым повели самую решительную борьбу» (Горлов В. Н. Речь Н. С. Хрущева на Всесоюзном совещании строителей в декабре 1954 г. как один из первых шагов в десталинизации советского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2018. № 1. С. 129).

регулярных атак цековского и писательского начальства такая реакция поэта выглядела бы странной.²⁹

Историко-литературный комментарий

Здесь, кажется, простора больше всего, начиная с самого первого стихотворения-«паровозика». Оно состоит из трех частей: в первой инвалиды закончившейся войны, во второй — проститутки, в третьей — прислушивающийся Ленин. Здесь трудно не обратить внимания на то, что вторая часть соответствует знаменитому эпизоду в «Двенадцати». А внимательный читатель Вознесенского может заметить (или ему должен подсказать комментатор), что строфа:

Снег беспокоен.
Снег бестолков.
Под «Метрополем»
Стук каблучков, —
(1, 45)

это почти дословная автоцитата из стихотворения «Фестиваль молодежи» (2, 315–316). К слову сказать, трудно понять, почему здесь зимний пейзаж. Как хорошо известно, VI Фестиваль молодежи и студентов проходил в Москве с 28 июля по 11 августа 1957 года.

Про «По Суздалью, по Суздалью...» мы писали. Но есть здесь для комментатора и работа, требующая библиотечного времени. Естествен вопрос: какая это критика из толстого журнала видела в Вознесенском «скрытое посконное начало» (1, 48)?

В «Сидишь беременная, бледная...» строки:

За что нас только бабы балуют,
и губы, падая, дают,

и выбегают за шлагбаумы,
и от вагонов отстают?

Как ты бежала за вагонами,
глядела в полосы оконные...

Стучат почтовые, курьерские,
хабаровские, люберецкие... —
(1, 61)

это парафраз хорошо известных текстов. Один — прозаический: «Похоронила она все воспоминания о своем прошедшем с ним в ту ужасную темную ночь, когда он приезжал из армии и не заехал к тетушкам.

До этой ночи, пока она надеялась на то, что он заедет, она не только не тяготилась ребенком, которого носила под сердцем, но часто удивленно

²⁹ Нелады у комментатора и с предметным миром. Он пишет: «До конца 1950-х футболисты играли в трусах до колен. Моду на короткие трусы ввели знаменитый Стрельцов и другие молодые футболисты» (1, 489). Интернет дает возможность проверять такие суждения. Уже в 1952 году сборная СССР выходит на игру в трусах хоть слегка, но выше колен, а в 1956 году — у всех они едва доходят до середины бедра. К тому же в конце 1950-х Э. Стрельцов никакой футбольной моды не мог вводить, так как летом 1958 года был арестован и приговорен к реальному лагерному сроку.

умилялась на его мягкие, а иногда порывистые движения в себе. Но с этой ночи все стало другое. <...>

Тетушки ждали Нехлюдова, просили его заехать, но он телеграфировал, что не может, потому что должен быть в Петербурге к сроку. Когда Катюша узнала это, она решила пойти на станцию, чтобы увидеть его. Поезд проходил ночью, в 2 часа. <...>

Выбежав на платформу, Катюша тотчас же в окне вагона первого класса увидела его. <...> Как только она узнала его, она стукнула в окно зазябшей рукой. Но в это самое время ударил третий звонок, и поезд медленно тронулся, сначала назад, а потом один за другим стали подвигаться вперед толчками сдвигаемые вагоны. <...> В это время дернулся и тот вагон, у которого она стояла, и пошел. Она пошла за ним, смотря в окно. <...> Поезд прибавил хода. Она шла быстрым шагом, не отставая, но поезд все прибавлял и прибавлял хода <...> Катюша отстала, но все бежала по мокрым доскам платформы; потом платформа кончилась, и она насилу удержалась, чтобы не упасть, сбегая по ступенькам на землю. Она бежала, но вагон первого класса был далеко впереди. Мимо нее бежали уже вагоны второго класса, потом еще быстрее бежали вагоны третьего класса, но она все-таки бежала. <...> „Он в освещенном вагоне, на бархатном кресле сидит, шутит, пьет, а я вот здесь, в грязи, в темноте, под дождем и ветром — стою и плачу“, — подумала Катюша, остановилась и, закинув голову назад и схватившись за нее руками, зарыдала. <...> „Пройдет поезд — под вагон, и кончено“, — думала между тем Катюша. <...> Измученная, мокрая, грязная, она вернулась домой <...> С этой страшной ночи она перестала верить в добро». ³⁰ Второй текст — стихотворный, из самых знаменитых в русской поэзии, причем сам автор увязывал его с эпизодом из «Воскресения»:

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блеклыми,
Ее, жандарма с нею рядом... <...>

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая... ³¹

Указание на источники должно сделать их участие в истолковании смысла стихотворения обязательным.

В поэме «Бой» (которую, очевидно, сам автор признал неудачной, раз не перепечатывал с «Мозаики» до восьмидесятилетия) нельзя пропустить уподобления «черта» не кому-нибудь, а Христу: «Он — сын человеческий» (1, 67), «Альф у времени и омегу / Пой!» (1, 69).

В «Мастерах» (гл. I) следовало бы отметить перефразировку известной фольклорной присказки про кол и мочало, а в третьей главе — еще одну переделку фразеологизма: «Не мечите бисером / изразцы» (1, 73). Во второй главе по поводу строки «Их было смелых — семеро» (1, 72) стоит сказать, что это

³⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1933. Т. 32. С. 130–132.

³¹ Блок А. Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 1997. Т. 3. С. 177–178.

вполне может быть отсылкой к названию знаменитого фильма. А «Пламя гнева» — название романа Э. Выгодской (в 1936 он вышел под заглавием «История Эдварда Деккера», а в 1949 был создан новый вариант «Пламя гнева»). Летом 1956 года появилось и еще одно «Пламя гнева» — фильм, снятый в Киеве о событиях на Украине в XVII веке.

В комментарии к «Оде сплетникам» (1, 84–85) предельно хладнокровно сказано: «Ошанин Лев Иванович (1912–1997) — советский поэт» (1, 483). Текст стихотворения неоднократно менялся, поэтому сегодняшний читатель лишь с очень большим трудом может понять, что в «Параболе» этой фамилии вовсе не было, а в «Антимирах» вместо нее стояло «...у писателя». И стало быть, для оглашения фамилии понадобилось 18 лет. Почему — ведь вроде бы ни в чем дурном Ошанин не обвиняется. Но для Вознесенского здесь таился особый сюжет. Ошанин был, вероятно, первым, написавшим о стихах Вознесенского, и написавшим с теплотой: «Особенно хочется поддержать А. Вознесенского потому, что он не боится серьезных и острых тем, на которые всегда писать труднее, решает эти темы без всякой риторики, правдиво».³² Но затем настали другие времена. «С „Гойей“ началась моя судьба как поэта. Первая ругательная статья „Разговор с поэтом Андреем Вознесенским“ в „Комсомолке“ громила „Гойю“. Следом появились статьи запугавшего всех Грибачева и испуганного Ошанина».³³ А. Елкину³⁴ поэт отвечать не стал. Николай Грибачев³⁵ попал в знаменитое стихотворение «Антимиры»:

Люблю я критиков моих!
На шее одного из них
Благоуханна и гола
Сияет антиголова.³⁶

Для Ошанина пора пришла позже. Его статья «О новаторстве подлинном и мнимом»,³⁷ видимо, и послужила поводом для иронического упоминания, лично не обидного, но как-то задевающего.³⁸

«На Волхонке / лежали черные ручьи» (1, 84) из этого же стихотворения — скорее всего, напоминание о стихах Пастернака, открывавших его сборники, где чернила и чернота назойливо повторяются, грань зимы и весны определяет настрой всего стихотворения, а Волхонка — место жительства Пастернака на протяжении довольно долгого времени. Заметим также, что вторая строфа «Вечеринки» (1, 90) — явный рефлекс пастернаковской «Вакханалии».

«Первый лед» завершается двустипием (разбитым на три строки), которое заслуживало бы специальной справки, даже если знать, что оно попадает во многие варианты цыганских романсов, как только звучащих, так и с записанными

³² Ошанин Л. Поэт и читатель // Литературная газета. 1958. 7 авг. № 94.

³³ Вознесенский А. Собр. соч. Т. 5. С. 183.

³⁴ См.: «Особенно огорчило всех, кто следит за поэтическим ростом Андрея Вознесенского, его стихотворение „Гойя“ <...> Родилась никому не нужная поэтическая безделушка» (Путь избирают один: Разговор с поэтом А. Вознесенским // Комсомольская правда. 1959. 14 мая. № 111).

³⁵ См.: Грибачев Н. М. Полемика: Статьи и заметки о литературе. М., 1963. С. 222–223, 238–239.

³⁶ Обычай Н. Грибачева брить голову был широко тиражирован фотографиями, дружескими шаржами и карикатурами. Сам Вознесенский писал, что имел в виду еще и А. А. Прокофьева, а случайно, не подумав, задел вдобавок Н. С. Хрущева (Знамя. 2001. № 1. С. 9).

³⁷ Советская Россия. 1959. 25 июня. № 147. См. в тексте: «Здесь все непросто, все вычурно. <...> Обидно здесь и за пепел наших городов, и за тень Гойи, так некстати потревоженную автором, и за молодого поэта».

³⁸ Для возможного комментария к прозе Вознесенского отметим, что в первый вариант «Оды сплетникам» имя Ошанина еще не могло попасть, так как его статья появилась через год.

словами, а оттуда — в поэзию (например, «Еду» В. В. Маяковского). По мнению проводивших специальные разыскания исследователей, слова эти были впервые использованы Сашей Макаровым и Юрием Морфесси около 1913 года.³⁹

В конце «Ночного аэропорта в Нью-Йорке» слово «Бруклин» заслуживает комментария не только предметного, но и интертекстуального, потому что вся последняя часть у Вознесенского — открытая переключка с «Бруклинским мостом» Маяковского. Оставляем сопоставления бóльшим, чем мы, энтузиастам поэзии Вознесенского.

«Бегите — в себя, на Гаити...» — здесь, видимо, следует отметить, что строка «О хищные вещи века!» (1, 113) дала название повести братьев Стругацких, при публикации которой у писателей-фантастов впервые возникли серьезные проблемы с цензурой. Нельзя, конечно, делать поэта причиной этого, но без упоминания трудно обойтись. Нуждается в развернутом комментарии «Вынужденное отступление» с проекцией не только на реальные события из жизни поэта, но и, конечно, на «Собор Парижской богородицы» В. Гюго. А «Мотогонки по вертикальной стене» странно видеть без отсылки в комментарии к «Балладе о цирке» А. Межирова и, возможно, известной статье Вяч. Вс. Иванова, посвященной межжировскому стихотворению.

Рассказывая, как «Рыбак Боков варит суп», поэт сообщает: «Говорят, он давит кошек» (1, 123). У начитанного в литературе начала XX века человека не может не промелькнуть подозрение, что здесь каким-то образом упомянуты «кошкодавы» 1907 года, про которых также ходили злобные слухи, оказавшиеся если не полной выдумкой, то почти. Тут, конечно, не сразу скажешь, случайность это или нет, но поразмышлять явно стоит. Точно так же строки из «Сирень „Москва — Варшава“»: «Есть сто косулей — / одна газель. / Есть сто свистулек — одна свирель» (1, 128) явно напрашиваются на пересечение с «Туля» (1, 88), однако вводить эту переключку в комментарий или нет — предмет для размышления. Но уж про «татарский помост» в стихотворении «Отзовись!..» (1, 131) классический комментарий рассказать требует, так же как пояснить, почему «Рок-н-ролл» назван «миссисипийский мессия» (1, 134).

Особая тема — отсылки в комментариях к статьям, исследующим то или иное произведение. О Вознесенском писали много, но редко хорошо. У его поэзии была масса врагов. И почему-то читателей отправляют к статьям Н. Коржавина, который понимал поэзию только одного типа (а Вознесенский в этот тип не попадал), недружелюбного Вс. О. Емелина, банально-го Ал. А. Михайлова, снисходительного С. Я. Маршака, плохо говорящего о стихах В. Ф. Бокова, безвестного ленинградского юмориста Н. Назаренко и др., а, скажем, Ю. М. Лотмана, пишущего про «Гойю»,⁴⁰ комментатор не замечает. Или, к примеру, в комментарии к «Лобной балладе» очень уместна была бы статья с элементами мемуаров,⁴¹ — за полгода можно было бы успеть эту отсылку вставить.

Странной выглядит ссылка на библиографию произведений Вознесенского, составленную Альбиной Чеботаревой и размещенную на сайте Г. И. Трубникова. Странной — потому что есть библиография, составленная профессионалами из ГПБ (нынешней РНБ) и напечатанная как часть шестого тома известной серии «Русские советские писатели (Поэты)». Она охватывает

³⁹ См.: Семин А. Б. «Чужие» песни Владимира Высоцкого. Воронеж, 2012. С. 98–99.

⁴⁰ Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. Тарту, 1964. Вып. 1. С. 103–108 (перепеч.: Ю. М. Лотман и тартуско-московская филологическая школа. М., 1994. С. 135–142).

⁴¹ Воронин Л. Антенна «сдвинутых времен»: Загадки «Лобной баллады» // Знамя. 2014. № 5. С. 194–203.

почти тот же период, что и работа Чеботаревой, но фиксирует не только публикации Вознесенского, но и работы о нем и его творчестве.

«Интимный» комментарий

Произнося эти слова, мы имеем в виду не только примечания о скрытых от большей части читателей свидетельствах романических отношений поэта, но и упоминания людей, которые хотя бы единственный раз и появились в стихах, но с подлинной фамилией. Это не сосед Букашкин, но и не Расул Гамзатов — те, кого почему-то надо и скрыть, и показать читателю.

И. Вирабов в книге о Вознесенском в серии «Жизнь замечательных людей» нашел «Кариночку Красильникову» из «Пожара в Архитектурном институте», и это украсило его повествование. А она, в свою очередь, открыла еще одно женское имя той поры — Наталья Головина, которая, видимо, и была тем персонажем «Оды сплетникам» и «Боя», вокруг которого возникали клеветнические слухи, похожие, как две капли воды. В 2005 году было написано стихотворение ее памяти.⁴² Но может быть, мы ошибаемся и речь идет о ком-то совсем другом? Дело комментатора деликатно сообщить нам об этих обстоятельствах. И дать нам понять, связаны ли как-то между собою Нерль и Суздаль не только географической близостью, но и близостью с женщиной?

«Антимиры» открываются «Монологом рыбака», где существенной фигурой оказывается «Вадик Клименко, физик». Не он ли — молодой теоретик из Физтеха, появившийся там в середине или второй половине пятидесятых? О нем, как о деятельном участнике капустников, есть упоминание в мемуарах.⁴³

Одним словом, тем, кто будет развивать начатое Г. И. Трубниковым дело, еще остается масса работы, которая должна быть исполнена, если мы хотим понять поэта Андрея Вознесенского таким, каким он был для своего времени.

⁴² Вознесенский А. Собр. соч. Т. 6. С. 400.

⁴³ Бабушкина Н. А. Наш учитель — Исаак Константинович // Кикоин И. К. Физика и Судьба. М., 2008. С. 753.